

18+

ШАЦИЛО В.Т.

ЗАЛОЖНИКИ ТИШИНЫ

Записки
следователя

Владислав Шацило

**Записки следователя.
Заложники тишины**

«Издательские решения»

Шацilo В.

Записки следователя. Заложники тишины / В. Шацilo —
«Издательские решения»,

Середина девяностых. В тихом городке разоряется швейная фабрика.
Безработица. Одно за другим происходят исчезновения женщин-швей.
Следователь Денисов ночует на работе, а его брак рушится. Он ещё не знает,
что в подвале собственного дома бывший наладчик оборудовал цех и держит
похищенных швей на цепях, убивая и заменяя их новыми жертвами.
Успеет ли Денисов остановить конвейер смерти и спасти заложниц?

© Шацilo В.

© Издательские решения

Содержание

ЗАЛОЖНИКИ ТИШИНЫ	6
ПРОЛОГ	7
Часть 1. Обманчивая тишина	8
Прошло пять лет	8
Глава 1. Находка в лесном безмолвии	9
Глава 2. Ночные размышления и звонок из прошлого	17
Глава 3. Народный сход на скамейке	27
Глава 4. След «четверки» водителя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Записки следователя. Заложники тишины

Владислав Шацilo

© Владислав Шацilo, 2026

ISBN 978-5-0071-1175-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАЛОЖНИКИ ТИШИНЫ

ПРОЛОГ

Девяностые годы, начало двухтысячных.

Швейная фабрика Верхнереченска дорабатывала, казалось, свои последние месяцы. Покупать материалы было не на что, зарплаты задерживали третий месяц. Склад постепенно превращался в кладбище старых фасонов — одежда пылилась стопками, — её никто не покупал. Зарубежные партнёры внезапно изменили условия: требовали современные модели, новые ткани, свежие линии.

Но на закупку импортных тканей денег не было. Банки, один за другим отказывали в кредитах. Всё стремительно шло к банкротству. Люди начали расходиться, искать работу в других местах.

В цехах пахло пылью, машинным маслом и безысходностью. Дизайнеры фабрики ночами просиживали за чертежными столами, пытаясь нащупать тот самый требуемый фасон.

Наконец, ведущий дизайнер Зинаида Громова, осунувшаяся от бессонницы, принесла два своих эскиза — мужского весеннего костюма и изящной женской блузки — лучшей швее фабрики Людмиле Полозовой.

Полозова совершила чудо. Уже через короткое время опытные образцы были готовы. Когда блузку и костюм выставили в цеху, швеи со всей фабрики сбегались посмотреть: они просто ахали от непривычного, смелого кроя и свежего силуэта. Такого фасона они ещё не видели. Казалось, в этих двух вещах был шанс, тонкая ниточка, за которую фабрика могла ещё удержаться.

Образцы отправили зарубежным партнёрам. Появился шанс, что фабрика выплывет.

Зинаида, уставшая после нескольких бессонных ночей, переоделась, взяла сумку, попрощалась с вахтёром и вышла за проходную швейной фабрики, растворяясь в сумерках городских окраин.

Дома её ждали. Но она так и не пришла. Её телефон молчал. Следы обрывались у ворот фабрики.

Живой Зинаиду Громову больше никто не видел.

Исчезновение Зинаиды Громовой так и осталось одной из тех загадочных историй, о которых в маленьких городах говорят шёпотом.

Часть 1. Обманчивая тишина

Прошло пять лет

Глава 1. Находка в лесном безмолвии

Всё началось 2 сентября.

В дежурной части резко раздался телефонный звонок — пронзительный, режущий тишину.

Ничего не предвещало того, что потом началось.

Капитан Мартынов вздрогнул так, что горячий чай плеснул через край чашки, растёкся по столу тёмной лужицей.

Он чертыхнулся, торопливо поставил чашку и после второго надрывного звонка сорвал трубку.

— Дежурный Мартынов, слушаю. Он посмотрел на часы. Они показывали четверть десятого утра.

На том конце провода сначала не было слов — только тяжелое, свистящее дыхание и какой-то странный, потусторонний шорох осеннего леса. А затем раздался взволнованный, задыхающийся, будто человек бежал много километров без передышки, почти сиплый голос деда-грибника, который уже пару часов бродил по лесу и наткнулся в овраге у Тиховки на страшную находку.

— В лесу, за городом... тут это... гражданин начальник... женщина... мёртвая, кажется... — слова давались собеседнику с трудом будто каждое стоило ему огромных усилий, голос сильно дрожал.

— Успокойтесь, — твёрдо, профессионально остановил его Мартынов, прижимая трубку плечом и уже берясь за ручку. — Говорите внятнее. Фамилия, имя, отчество? Где именно находитесь?

— Петров Николай Андреевич голос чуть выровнялся, но всё ещё дрожал...

Лес за старой просекой, от дороги на карьеры, я за грибами пошёл... — старик всхлипнул, лоя ртом воздух, словно от быстрого бега.

— Я в овраг спустился, к речке Тиховке, думал, опята там. А она... она в малиннике лежит. Лицом вниз. Господи, грязная вся, будто её волокли... Мартынов почувствовал, как по затылку пробежал лёгкий холодок. Это было непохоже на обычную пьяную бытовуху.

Капитан машинально взглянул в окно. Солнце уже поднялось, но его свет едва пробивался сквозь плотные свинцовые тучи, словно небо готовилось к чему-то недоброму. Часы на стене показывали четверть десятого утра обычный час обычного дня, который вдруг перестал быть обычным.

— Вы к ней подходили? Пульс трогали? — капитан уже щёлкал тумблером селектора, вызывая оперативную группу.

— Какое там «подходил», милок! Она ж не шевелится, и бледная как стена, синюшная вся! — дед зашептал, словно боялся, что в глухом лесу его кто-то услышит. Приезжайте скорее, у меня телефон еле ловит, я к дороге бегу, сил нет.

— Петров, оставайтесь на дороге у поворота на карьеры! Никуда не уходите, встречайте машину! — приказал Мартынов и бросил трубку на рычаг.

В дежурке на мгновение повисла мёртвая тишина, нарушаемая только тиканьем часов. И в этой тишине Мартынов впервые понял: старик не просто испугался. Он увидел **что-то такое**, что не укладывалось в привычные слова.

Капитан взглянул на пролитый чай, медленно расплывающийся по бумаге, и резко нажал кнопку тревоги. Тишину коридоров отдела разорвал протяжный, тревожный зуммер. Маховик следствия был запущен. За окном свинцовые тучи сгущались ещё сильнее, будто пытались скрыть от мира то, что ждало их в овраге у Тиховки.

Дежурный сразу же позвонил начальнику уголовного розыска (УгРо): — Товарищ майор. Обнаружен грибником труп женщины недалеко от дороги у речки и передал координаты. Грибник будет ждать.

Начальник УгРо: — Отправляй наряд, я выезжаю. Доложи следователю.

Дежурный сразу же направил сообщение в районную прокуратуру.

Доклад дежурного начальнику милиции.

Зафиксировав данные перепуганного грибника, Мартынов бросил трубку и тут же, не теряя ни секунды, нажал кнопку внутренней связи с кабинетом начальника милиции.

Полковник Гладышев сидел за массивным столом, просматривая предварительные данные квартального отчета. Гладышев был офицером старой закалки — грузный, с проседью в аккуратных усах, с взглядом тяжёлым, но справедливым. Верхнереченск он знал как свои пять пальцев и ценил в районе прежде всего тишину.

Громкий зуммер селектора заставил полковника поднять голову.

Он нажал клавишу: — Гладышев слушает.

— Товарищ полковник, докладываю, — голос дежурного звучал собранно и чётко. Дежурный капитан Мартынов. Сегодня 2 сентября в четверть десятого утра принял сообщение, зарегистрировал. Местный житель в лесу, в овраге у реки Тиховки, обнаружил присыпанный землёй труп. По предварительным признакам — явный криминал, тело замаскировано.

Опергруппа, начальник УгРо Вершинин и следователь Денисов выехали.

Сообщение в районную прокуратуру уже передано, телефонограмма зафиксирована.

Полковник Гладышев на секунду замолчал, его кустистые брови сошлись к переносице. В тихом Верхнереченске такие новости всегда были сродни разорвавшейся бомбе.

В это же время у входа в районную прокуратуру следователь капитан Артур Долгов озадаченно рассматривал служебную «Волгу» с лысеватой резиной. Вызванный по телефонограмме, он уже приготовил пухлую папку с чистыми бланками протоколов и следовательский чемоданчик, но, глянув на карту районного лесничества и припомнив последние дожди, понял сразу: за Тиховку на этой машине он не проедет — застрянет на первом же просеке.

Не теряя времени, Долгов вернулся в кабинет и набрал прямой номер начальника уголовного розыска.

— Матвей Борисович? Это Долгов, — произнёс Артур в трубку.

— По трупу на Тиховке телефонограмму от ваших получил, но: моя «Волга» на берегу реки и останется. Ты на чём выезжаешь?

— На дежурной «таблетке», Артур Валентинович, — отозвался в трубке хриловатый голос Вершинина. — Ещё один УАЗ с операми задействуем, там без полного привода делать нечего.

— Отлично. Заскочи за мной к прокуратуре, поедem вместе. По дороге как раз обсудим дислокацию.

— Принято. Через пять минут буду у твоего крыльца.

Дорога к месту происшествия.

Спустя десять минут милицейский УАЗ-«буханка», урча мотором и подпрыгивая на ухабах, уже мчал по гравийке в сторону реки Тиховки. На переднем сиденье рядом с водителем сидел начальник УгРо майор Вершинин, а сзади, среди саквояжей с криминалистическими комплектами и оперативников, расположился следователь прокуратуры Долгов, на ходу изучая выписку из дежурного журнала.

Дождь все-таки пошёл — мелкий, нудный, типично осенний.

Город остался позади. Асфальт сменился грунтовкой, затем — узкой просёлочной дорогой.

Матросов смотрел в карту:

— Район старой просеки.

— Ничего, — ответил Денисов. — На месте разберёмся.

Кузнецов уточнил:

— Грибник на связи?

— Дежурный сказал: ждёт у поворота. Сильно нервничает.

Царёв спокойно:

— Нормально. Главное — чтобы место не затоптали.

Служебный «УАЗик» застрял у раскисшей кромки поля, и следственно-оперативной группе пришлось добираться до оврага пешком, продираясь сквозь мокрую траву и цепкие кусты ивняка.

Капитан Денисов шёл первым. Несмотря на относительную молодость, Андрей обладал редким для нынешних следователей качеством — дотошной, почти занудной дознавательской въедливостью. Он не терпел спешки и красивых версий, предпочитая верить только сухим фактам.

Следом, тяжело дыша и бережно прижимая к боку тяжёлый криминалистический чемодан, шагал эксперт-криминалист Царёв.

Это был опытейший специалист, видевший на своем веку столько, что удивить его, казалось, было уже невозможно.

У поворота стоял мужчина в камуфляжной куртке с корзиной. Грибник Петров Николай Андреевич.

УАЗ-«буханка» замер на обочине. Из салона вышли сотрудники, а следом за ними, поевживаясь от сырости, вылезли двое понятых — местных мужиков-работяг, которых опера захватили по дороге у проходной деревообрабатывающего комбината.

Следователь ОВД Денисов шагнул к грибнику первым:

— Петров?

— Да... я... Я нашёл... там, — сбиваясь, пролепетал мужик.

Следователь прокуратуры Долгов — старший группы — спокойно кивнул: — Пойдём. Показывайте. Понятые, не отстаём, идем за нами, смотрите внимательно под ноги.

Лес был влажный, тихий. Петров шёл впереди, то и дело оглядываясь: — Я тут редко хожу... сегодня решил дальше пройти... и запах... я сразу понял, что что-то не так...

— Не трогали ничего? — строго спросил Денисов, на ходу доставая планшетку с бланками протокола осмотра.

— Нет, что вы... только посмотрел... и сразу на трассу выбежал, позвонил...

Эксперт-криминалист Царёв с фотоаппаратом «Зенит» шёл замыкающим, на ходу расстёгивая чемодан.

Петров резко остановился и указал пальцем:

— Вот... здесь...

Долгов поднял руку, останавливая остальных:

— Так, стоп всем. Внимательно под ноги. Глеб Фёдорович, давай спускаться. Работаем.

В самом низу сырого, пахнущего прелой листвой оврага, скрытый густыми зарослями малинника, лежал холмик. Преступник наспех забросал тело сырой землей и завалил старыми сучьями. Из-под грязной листвы виднелся подол тёмного женского платья.

Царёв опустился на колени, открыл чемодан и защёлкал затвором фотоаппарата. Сделав несколько кадров с общих ракурсов, он аккуратно убрал ветки, очищая тело.

— Женщина, на вид лет тридцать, — негромко надиктовывал Царёв для протокола, пока следователь ОВД Денисов записывал каждое слово на бланке. — Одета по-осеннему: лёгкий плащ, платье. На правой ноге — кожаная туфля на небольшом каблуке. Левая нога... эксперт нахмурился, — босая. Туфли нет. Но вот что важно: она лежит здесь не меньше трёх суток. Точнее скажу после вскрытия. Погода холодная, овраг сырой, как погреб, поэтому процессы разложения ещё не пошли активно. Но убили её именно тогда.

Начальник УГРО майор Вершинин, стоявший чуть выше на склоне, сразу оживился, переглянувшись с операми Матросовым и Сизовым:

— Опаньки... Классика, Артур Валентинович, — обратился Вершинин к Долгову. — Попутка. Похоже, девка ночью голосовала на шоссе, подобрал её какой-то урод из водителей. Завез сюда, в глухомань. Борьба была в машине, там она вторую туфлю и скинула, пока отбивалась. Он её придушил, на руках принёс сюда, сбросил и присыпал.

Вершинин тут же повернулся к подчиненным: Кузнецов, Сизов:

— Осмотреть вокруг, искать другую туфлю и другие следы, а по приезду — к ГАИшникам на пост и на заправку на трассе! Вытряхивайте все дежурные журналы за три ночи назад! Ищем всех водителей, ночников, каждую жестянку на колёсах проверять!

Оперативники Сизов и Кузнецов одновременно кивнули головой. Версия лежала на поверхности, понятная и логичная. Нужно было искать машину и случайного водителя.

Следователь прокуратуры Долгов не двинулся с места. Он присел рядом с экспертом и продолжал внимательно смотреть, как Царёв осторожно очищает левую, босую ногу погибшей от налипшей болотной тины.

— Подожди, Матвей Борисович, не кричи, — тихо пробормотал Царёв, поднося к глазам лупу. — Андрей, посвети-ка мне фонариком вот сюда, чуть выше косточки.

Денисов нагнулся, направив узкий луч белого света на щиколотку левой ноги. На бледной, холодной коже виднелась странная отметина. Это не был глубокий страшный рубец. Нет. Это был очень слабый, едва видимый, бледный след-потёртость. Словно кожу долгое время что-то слегка сдавливало, оставляя едва заметную кольцевую полосу. На мёртвой коже она проступила желтоватым контуром.

— Что это, Глеб Фёдорович? — нахмурился Долгов, всматриваясь вместе с Денисовым в отметину. — От ремешка туфли? От тесной обуви?

Царёв аккуратно потрогал кожу пальцем, покачал головой: — Для обувного ремешка слишком высоко, аккуратно над лодыжкой. Для носка или колготок — след слишком жёсткий, контур ровный, кольцевой. Станный след, Артур Валентинович. Очень слабый. Не пойму. Трупные явления мешают. На вскрытии посмотрю под микроскопом, срезы сделаю. Но деталь нехорошая, ох нехорошая...

Денисов поднялся, задумчиво глядя на босую ногу жертвы. Водители, посты ГАИ, попутки — всё это укладывалось в стандартную схему, которой сейчас занялись опера. Но этот едва заметный след на ноге и пропавшая туфля, которую так и не нашли вокруг, лишали следователя покоя.

В этой тихой трагедии явно просматривалось двойное дно.

Денисов аккуратно вложил дубликат протокола в папку, бережно пряча ручку во внутренний карман куртки. Дождь над оврагом разошёлся не на шутку. Крупные холодные капли шумно барабанили по листьям малинника, словно пытаясь поскорее смыть, спрятать следы чужого преступления.

Вернувшиеся опера Сизов и Кузнецов натягивали полосатую оградительную ленту между берёзами, блокируя доступ к оврагу со стороны тропинки. Второй туфли в радиусе пятидесяти метров они так и не нашли. Земля будто поглотила её.

Окончание осмотра. Первичные выводы на месте.

Денисов, еще раз внимательно осмотрев раскисшую землю и малинник, поднял взгляд на следователя прокуратуры: — Артур Валентинович, смотрите сами: следов волочения нет. Следов борьбы на земле тоже. Место глухое. Вероятно, тело привезли и тупо выбросили.

Матросов подхватил: — Сбросили с машины? Похоже. Тогда надо проверять всю трассу, выезды из города и заправки.

Денисов шагнул к «УАЗу» и снял с кронштейна рацию:

— Дежурный, это Денисов. Осмотр закончили. Предварительно — сброс тела. По выводам эксперта — смерть наступила несколько дней назад. Дайте ориентировку нарядам ГАИ и ППС: проверить стационарный пост ДПС на выезде, АЗС и ночные дежурства. Доложите полковнику Гладышеву: первичная версия — убийство на трассе с последующим сбросом.

— Вас понял, Андрей Владимирович. Выполняю, — отозвался треск из динамика.

Вершинин повернулся к Матросову и Сизову:

— Эдик, Костя — ГАИшники, заправки, трасса. Вытряхните из них все дежурные журналы за три дня!

— Есть, товарищ майор!

Капитан Матросов, самый опытный из оперов, уже всю допрашивал бледного деда-грибника, сидевшего на поваленном дереве.

— Артур Валентинович, Андрей Владимирович, подошёл к следователям майор Вершинин. Район оцеплен. Матросов старика колет — тот чистый, обычный пенсионер, пошёл за опятами, сунулся в малинник и вон там, в ложбине, наткнулся. Сизов с Кузнецов сейчас пойдут проверять тропу на наличие свежих следов протекторов, пока дождь всё окончательно не смыл.

— Добро, Матвей Борисович, — кивнул Долгов. — Раз закончили, вызывай спецмашину, пусть забирают труп. Жду официальных результатов вскрытия.

Денисов вместе с медэкспертом Царёвым и Долговым тяжело поднялись по скользкому глинистому склону и медленно подошли к ожидавшему их УАЗу. Но ноги в туфлях увязали в грязи.

Старенький служебный «УАЗик» привычно урчал мотором, дворники лениво размазывали воду по лобовому стеклу. Серая сырость осеннего утра пробирала до костей. Денисов сел на переднее сиденье, захлопнул хлипкую дверцу и уставился в окно, на расплывающиеся силуэты деревьев. В голове настойчиво крутились две вещи: одинокая туфля погибшей женщины и этот едва заметный, загадочный след на лодыжке.

Очень не хотелось об этом думать, но интуиция старого Фёдоровича, которую Денисов успел перенять, кричала в голос: всё это не случайно. Обычная, на первый взгляд, дорожная «бытовуха» с попуткой с самого первого шага начала обрастать странными деталями. Для этой несчастной ночная поездка оказалась последней в жизни, в одно мгновение оборвав все её планы и привязав к сырому оврагу у Тиховки.

Дорога привела её напрямик в вечность. А следствию принесла очередную, глухую и зловещую загадку.

Капитан Денисов достал сигарету, щёлкнул зажигалкой и пустил струю дыма в приоткрытое стекло. «УАЗик», буксуя в раскисшей колее, медленно развернулся и поехал в сторону отдела милиции.

Позади оставался притихший овраг. Впереди лежал сонный, окутанный туманом Верхнереченск. За глухими заборами частного сектора лаяли собаки, люди спешили кто куда, пили утренний кофе и ругали непогоду. Город жил своей привычной, размеренной жизнью и ещё совсем не знал, какой кошмар ждёт его впереди, когда этот тонкий, запутанный клубочек наконец начнёт разматываться.

Кабинет начальника ОВД полковника Гладышева.

2 сентября, 15:00

Кабинет начальника ОВД полковника Гладышева с

самого утра пропах остывшим чаем и густым, липким напряжением. Настенные часы тихо отсчитывали секунды, но казалось, что стрелки застыли. На столе перед

полковником лежала первая оперативная сводка с места обнаружения трупа у речки Тиховки.

В дверь тихо, но требовательно постучали, и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вошли двое:

следователь прокуратуры капитан Долгов и следователь ОВД капитан Денисов. За ними прикрыл дверь начальник УГРО майор Вершинин.

Долгов положил на край тяжелого письменного стола уже подписанное прокуратурой постановление о

создании совместной следственно-оперативной группы и сопутствующие документы.

— Товарищ полковник, ситуация из ряда вон, — начал Долгов, присаживаясь на стул. — По факту обнаружения неопознанного женского трупа в овраге у речки Тиховки прокуратура вынесла постановление о создании совместной СОГ. Тянуть нельзя: с момента смерти прошло трое суток, тело пролежало на жаре.

Гладышев поднял тяжелый взгляд на прокурорского следователя, затем перевел его на Денисова.

— Докладывай, Денисов, что там на месте, — произнес полковник, скрестив руки на груди.

Денисов открыл свой рабочий блокнот:

— Товарищ полковник.

Труп обнаружил местный житель, грибник Петров, около девяти пятнадцати утра. Тело находилось в овраге у реки, слегка присыпано землей, сухими листьями и ветками. Следов работы лопатой нет, крови на месте преступления тоже не обнаружено. Женщина, на вид около тридцати лет, одета по-осеннему, документов при ней не было. Предварительная причина смерти — механическая асфиксия, следы удушения явные.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Только половицы скрипнули под сапогами Вершинина, который сел и

внимательно слушал.

— Продолжай, — кивнул Гладышев.

— Предварительные выводы эксперта — криминалиста Царёва: убийство совершено тридцатого августа трое суток назад, — ровно продолжил Денисов. —

Женщину убили в другом месте, привезли на машине, а сюда сбросили, спешно забросав листвой — видимо, кто-то спугнул. Из странностей: на одной ноге отсутствует туфля, а вокруг лодыжки этой босой ноги имеется едва заметная

потертость в виде неширокого кольца. Царёв сейчас проводит детальное исследование. Оперативники прочесали прилегающий лес, но вторую туфлю не нашли.

Метрах в тридцати у дороги обнаружены слабые следы протектора, но из-за дождей и раскисшей земли снять слепок колеса не получилось.

Долгов подвинул к Гладышеву бланк приказа по райотделу для согласования:

— Группу запускаем с этой минуты. Времени на раскачку нет. В СОГ вошли:

Руководство следствием: следователь прокуратуры капитан Долгов, следователь ОВД капитан Денисов.

Оперативный состав: начальник УГРО майор Вершинин с оперативниками. экспертно-криминалистическое обеспечение: эксперт Царёв.

— Сбор всей группы объявляю здесь же, в актовом зале, ровно через тридцать минут, в пятнадцать ридцать, — добавил Долгов, взглянув на часы.

Гладышев взял ручку, поставил на приказе поотделу свою резолюцию:

«Согласовано. К исполнению» и вернул бумаги прокурорскому следователю.

— Силы и личный состав выделяю в полном объеме, — произнес полковник. — Вопрос на особом контроле.

— Вершинин, по ходу поисков и отработки поиска преступника — докладывай мне ежедневно на утренней планерке, — жёстко даёт команду Гладышев, отпуская офицеров. — По линии ОВД всю помощь группе оказать немедленно. Свободны.

Офицеры поднялись со своих мест. Денисов захлопнул блокнот, а Вершинин уже на ходу бросил капитанам

Матросову и Сизову, ожидавших в коридоре: «Все в сборе, получаем задачи».

Райотдел перешел на усиленный режим работы.

Актный зал райотдела. 2 сентября 2000 года, 15:30

В душном актовом зале районного отдела милиции пахло мастикой для пола и старой бумагой. За длинным столом, сдвинутым из нескольких аудиторных столов, разместились участники только что созданной совместной следственно-оперативной группы.

Следователь прокуратуры капитан Долгов положил перед собой папку с постановлением, окинул взглядом собравшихся сотрудников и перешёл к делу. Рядом с ним за столом сидел следователь ОВД капитан Денисов и начальник УГРО майор Вершинин.

— Главные направления следующие, — обозначил Долгов. — Первое: установить личность погибшей. Проверяем ориентировки по пропавшим без вести не только по нашему, но и по соседним районам. Второе: отработка маршрута. Нужно проверить всю трассу вдоль Тиховки и опросить работников ГИБДД, владельцев транспорта, чей автотранспорт мог фиксироваться в том квадрате. И третье: экспертное сопровождение. Царёв готовит окончательное заключение по точному времени смерти и природе следа на лодыжке.

Долгов замолчал, передавая слово руководителю розыска.

Майор Вершинин кивнул, принимая вводные от следствия, и повернулся к своим сотрудникам:

— Задачи ясны. Сизов — бери ориентировки, поднимай архив по пропавшим женщинам по нашему и соседям. Матросов с Кузнецовым — на трассу к Тиховке, отрабатывайте с ГИБДД транспорт и возможных свидетелей. Докладывать мне ежедневно в девять утра на утренней планерке, а промежуточные результаты по линии милиции пойдут на стол начальнику ОВД в плановом порядке.

— Всем всё ясно? Может, будут какие вопросы, предложения? — обведя взглядом собравшихся, спросил Долгов. — Работаем в тесном контакте, это общее дело.

В зале на секунду застыла рабочая тишина. Следователь ОВД капитан Денисов приподнялся чуть ближе к столу и посмотрел на эксперта-криминалиста Царёва,

— Глеб Фёдорович, вернись к деталям по осмотру. Главная неясность — этот след на ноге. Обрати особое внимание на потертость на лодыжке: что за след, от чего могло остаться такое кольцо? Нам нужно точно понимать, носили ли на ней что-то закреплённое, браслет или шнур, и как это связано с отсутствующей туфлей. Это ключевой момент.

Царёв кивнул, делая жирную пометку в блокноте:

— Понял. Закончу с первичным осмотром и сразу займусь этим следом предметно. Я заберу у судмедэксперта готовое заключение по вскрытию и времени смерти, как только морг закончит работу, а сам предметно займусь следом на лодыжке и протектором с места обнаружения. Завтра доложу.

— По срокам работаем так, — продолжил Долгов, обведя взглядом собравшихся. — Каждый вечер в шесть часов — подведение итогов здесь, в райотделе, в кабинете Денисова. Я буду специально подъезжать к этому времени. Или заранее сообщу, и тогда заседание будем проводить в моём кабинете в прокуратуре. Оперативники отчитываются перед Вершининым, а Вершинин и Денисов докладывают общие результаты мне. Вершинин даёт сводку по оперативной работе, Денисов — по следственным действиям, Царёв — по экспертизам.

Долгов чуть помедлил, бросив взгляд на Денисова

— В отдельных случаях, если я буду занят на других следственных действиях, Денисов будет проводить допросы, а в исключительных случаях, он будет проводить заседание СОГ. Об этих исключительных случаях я буду предупреждать отдельно. И помните: если возникают

срочные версии или зацепки по горячим следам — докладывать немедленно, независимо от времени суток.

Глава 2. Ночные размышления и звонок из прошлого

Настольная лампа в кабинете Денисова горела вполнакала, выхватывая из темноты разложенные на столе чёрно-белые фотографии из оврага. Время на настенных часах стремительно приближалось к полуночи.

2 сентября подходило к концу, уступая место новому дню, но Андрей этого не замечал.

Труп женщины... Эксперт выдал чёткое предварительное заключение: задушена три дня назад, тридцатого августа. Нашли только сегодня, по звонку в дежурную часть.

Андрей в который раз взял в руки лупу и приблизился к снимку левой ноги убитой. Две детали не давали ему покоя, сидели в подкорке, как занозы.

Во-первых, на ноге не было туфли. В овраге и вокруг него оперативники перерыли каждый сантиметр земли — обувь как сквозь землю провалилась. Во-вторых, и это было куда страннее: на лодыжке левой ноги отчетливо виднелось бледное кольцо натёртости, словно ногу долго и грубо что-то сжимало.

«Что это? — думал Денисов, устало потирая воспалённые глаза.

— След от верёвки? Нет, для верёвки след слишком широкий и ровный. Цепь? Наручники? Если её держали взаперти, то почему след только на одной ноге? И где, чёрт возьми, вторая туфля? Убийца забрал как трофей? Или она потеряла её, когда пыталась бежать?»

Время летело, мысли ходили по кругу, но эти две нити никак не желали связываться в единую логическую цепочку. По лбу покатился тяжёлый холодный пот.

Телефонный разговор.

Резкий, дребезжащий звонок служебного телефона заставил Андрея вздрогнуть. Он потянулся к чёрной пластмассовой трубке, бросив быстрый взгляд на часы. Четверть первого.

— Денисов, слушаю.

— Андрей, это я, — в трубке раздался голос его Лены. Жена пыталась говорить тихо, сдержанно, чтобы не разбудить спящую в соседней комнате дочку, но Андрей слишком хорошо знал её интонации, чтобы не уловить за этой напускной мягкостью глухое, звенящее раздражение.

— Да, Ленуш... — Андрей прижал трубку плечом к уху, не сводя взгляда с фотографии изуродованной лодыжки.

— Ты думаешь сегодня идти домой? — спросила она, и в трубке послышался тяжёлый вздох. — Андрей, уже скоро новый день начнется. Я сижу на кухне, жду, волнуясь. Ладно я, но я уже просто не знаю, что говорить дочери. Алинка весь вечер крутилась у дверей. Спрашивала: «Почему папа так долго не приходит? Почему он меня не поцелует и не пожелает спокойной ночи?» Еле уложила её. Так тебя ждать вообще? Ты придешь?

Слова жены падали на него, как тяжёлые камни, но перед глазами всё ещё стояло серое лицо убитой женщины из оврага, у которой тоже где-то была семья.

— Лен, извини... — Андрей сглотнул сухой комок в горле, чувствуя себя виноватым перед обеими своими девочками. — Извини, пожалуйста. У нас тут ЧП. Серьёзный глухарь, труп в овраге. Задержался на месте, теперь вот бумаги оформляю... Всё, уже закругляюсь. Сейчас приду. Скоро буду, честно. Минут через двадцать.

— Хорошо, — коротко, слишком сухо ответила Лена. — Жду.

В трубке раздалась короткая гудка. Андрей медленно опустил её на рычаг. На секунду он зажмурился, чувствуя, как семейная жизнь медленно, но верно даёт глубокую трещину. Он быстро собрал фотографии в папку, запер сейф, на ходу натягивая куртку. Ему нужно было бежать домой, чтобы успеть хотя бы просто постоять у кровати спящей Алинки. Но в голове всё равно настырно, наперекор всему, бился один и тот же страшный вопрос: «Что за кольцо на лодыжке?»

Возвращение домой.

Ключ в замке повернулся тихо, но в ночной тишине квартиры этот звук показался Денисову оглушительным. Он аккуратно, стараясь не скрипеть половицами, притворил тяжёлую входную дверь. В прихожей было темно, лишь из кухни пробивалась узкая полоска тусклого жёлтого света.

Андрей снял куртку, на цыпочках прошел мимо детской, на секунду заглянув в приоткрытую дверь — Алинка спала, раскинув руки, на одеяле лежал плюшевый мишка. Сердце болезненно сжалось.

Он повернул на кухню. Лена сидела у окна, поджав под себя ноги. Увидев мужа, она не вскочила, не начала кричать. Она просто посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом, в котором сквозила смертельная, накопившаяся за годы усталость.

— Пришёл... — тихо сказала она.

— Лен, ну я же говорил — ЧП, труп в овраге, я задержался, — Андрей виновато опустил голову, присаживаясь на край табурета.

— «Задержался»... — Лена горько, безрадостно усмехнулась, качнув головой. — Ты говоришь, что ЧП, что задержался. Но это я слышу каждый раз, Андрей. Каждый божий раз за все эти годы ты обещаешь, что так часто не будешь пропадать, но... Всё повторяется снова и снова. Я уже просто устала тебя ждать. Устала жить одна при живом муже.

Она поднялась, и в её голосе звенящей нотой прорвалась застарелая обида: — Ты не только на меня не обращаешь внимания, ты на дочку посмотри! Она ведь тоже тебя ждёт. Растет без отца, засыпает с твоим именем на губах. Ну пообещай мне... пообещай, что ты хотя бы в этот раз не будешь так долго задерживаться на работе! Что это дело не заберёт тебя у нас насовсем!

Андрей поднялся, шагнул к ней по узкой кухне. Ему стало по-настоящему страшно — он почувствовал, как их семейная лодка прямо сейчас идёт ко дну. Он попытался взять её за руку, поймать её пальцы, но Лена рассерженно, резко выдернула ладонь.

— Леночка, родная, извини... — глухо проговорил он, шагая еще ближе. — Я вас обоих люблю. Больше жизни люблю, поверь мне. Просто у меня сейчас на работе как раз тупик. Убита женщина, молодая совсем, а у меня ни одной зацепки, и нет абсолютно времени...

Он шагнул вплотную и крепко, отчаянно обнял её, зарываясь лицом в её волосы, пахнущие домашним шампунем. Лена сначала вся окаменела, сопротивлялась, упиравшись ладонями ему в грудь, а потом — всего на секунду, на один короткий всхлип — отчаянно прижалась к нему, спрятав лицо на его плече. Андрей успел подумать, что всё еще можно исправить, но в следующий миг она решительно оттолкнула его.

— Ладно, иди мой руки, Лена отвернулась к плите, смахивая тыльной стороной ладони слезу. — Давай я тебя покормлю. Я же знаю, что за весь день ты ничего не ел. Наверняка на одном кофе своём черном сидел.

Андрей с огромной, щемящей благодарностью посмотрел на её напряженную спину. — Спасибо, Ленуш. Я быстро.

Он вышел в ванную, включил холодную воду и долго держал руки под струей. Напряжение немного отступило, уступив место домашнему теплу. Но даже здесь, под шум бегущей воды, в его усталом мозгу упрямо, как заевшая пластинка, прокручивался один и тот же кадр из оврага: *багровое кольцо натёртости на лодыжке убитой...*

Он еще не знал, что эта страшная находка скоро разрушит его жизнь окончательно.

На работе.

Весь следующий день 3 сентября в отделе уголовного розыска Верхнереченска стоял сплошной табачный дым.

На столе у капитана Денисова лежали стопки личных дел, но утренний поиск по базе данных «Пропавшие без вести за последние дни» дал жирный ноль. Никого, кто подходил бы под описание задушенной в овраге женщины, в городе за эти три дня не искали.

— Глухо, как в танке, — майор Вершинин зло поставил на стол пустую чашку из-под кофе. — Если она местная, почему никто не бьёт в колокола? Три дня человека нет в живых! Матросов, Сизов, что по подомовому обходу?

Капитан Сизов, уставший, с красными от недосыпа глазами, только руками развёл:

— На Речной и рядом на других улицах зацепок нет, Матвей Борисович. Без опознания мы топчемся на месте.

Денисов молча взял со стола свежий снимок — чёрно-белую фотографию погибшей, которую Царёв успел привести в относительный порядок. Следователь вышел в коридор и направился к выходу из отдела где у дежурной части висел большой деревянный стенд «Внимание, розыск!». Сизов с тяжелым вздохом поплёлся за ним.

Дождь на улице утих. Денисов кнопками закрепил снимок на доске, отошёл на шаг, разглядывая лицо несчастной. В этот момент к крыльцу отдела подошла Катерина, жена капитана Сизова — она заскочила к мужу на перерыве, благо сама работала неподалёку, на швейной фабрике.

— Костя! — окликнула она мужа, поднимаясь по ступенькам.

— Ну сколько можно, телефон всё время занят или никто не поднимает трубку.... Я тебе вот, пирожков принесла.

Катерина машинально перевела взгляд на доску объявлений, прямо на свежую фотографию, и осеклась на полуслове. Лицо женщины побледнело, она сделала шаг вперед, прижав ладонь к губам.

— Господи... Костя... Андрей Владимирович, это откуда у вас? Её голос задрожал.

Денисов мгновенно подобрался: — Екатерина, вы знаете её? Смотрите внимательно.

— Да как не знать... **Это же Ленка! Ветрова... швея из нашего второго цеха!** Но... быть не может. Она же в прошлом году, аккуратно в сентябре, уехала в Москву на заработки! Нам девчонки говорили, что она там устроилась хорошо. Как же так? Она же год как в столице! Денисов и Сизов ошеломленно переглянулись.

— Вы уверены, Катя? Год назад? — тихо спросил следователь.

— Да сто процентов, Андрей Владимирович! Мы с ней за одним столом три года просидели. У неё ещё муж, Колька-автомеханик, всё пил да ревновал её, она от него и сбежала...

У Денисова в голове со свистом завертелись шестеренки. Труп свежий — три дня назад задушена. А с фабрики и от мужа она пропала *год назад*. Где, чёрт возьми, она была целый год?

Следующий день.

Весь следующий день Денисов ходил сам не свой. Информация, пришедшая из архива и от оперативников, проверявших заявление о пропаже, не просто ставила в тупик — она взрывала мозг.

У Андрея в голове со свистом завертелись шестеренки, выстраивая дикую, невыносимую картину.

Труп свежий — эксперт чётко сказал, что Елена задушена три дня назад, тридцатого августа. Но, согласно рапортам, со швейной фабрики и из дома от собственного мужа она пропала... ровно год назад!

«Где, чёрт возьми, она была целый год?! — снова повторил он, задавая этот вопрос сам себе. Андрей мерил кабинет шагами, взъерошивая волосы. — *Триста шестьдесят пять дней человека никто не видел. Никаких следов, ни одного билета на поезд, телефон молчал. И вдруг её находят задушенной в овраге с натёртостью на ноге. Её где-то держали? Взаперти? Год?!*»

От этой догадки по спине пробежал мороз. Это был уже не просто бытовой криминал, здесь пахло чем-то гораздо более страшным и масштабным.

Звонок домой.

Денисов бросил взгляд на настенные часы. Стрелки неумолимо приближались к семи вечера. Он обещал. Он же вчера твёрдо обещал Лене быть дома вовремя, поужинать вместе, обнять дочку. Но уйти сейчас, когда дело переворачивалось с ног на голову, было выше его сил.

С тяжёлым сердцем Андрей потянулся к телефону. Набрал домашний номер. Трубку сняли почти сразу, и Денисов заговорил торопливым, заискивающим, виноватым тоном:

— Ленуся, привет... Ты меня сегодня к ужину не жди, ладно? Родная, ты только не сорвись, выслушай. Мы тут решаем один ребус, у меня голова кругом идет! Понимаешь, труп Елены свежий — три дня назад задушена. А с фабрики и от мужа она пропала год назад! Где, чёрт возьми, она была целый год?! Тут маньяк или подпольный плен, понимаешь? Не обижайся, родная. Я помню, что обещал... Но это работа. Я быстро, как смогу. Люблю вас...

Андрей замолчал, ожидая упрёков, слёз или хотя бы усталого:

«Опять ты за свое».

Но в трубке не было ничего. Ни вздоха, ни единого звука. Только глухое, тяжелое молчание, от которого Андрею стало не по себе. Эта тишина была страшнее любого скандала. Он кожей почувствовал, как на том конце провода, в их маленькой кухоньке, Лена медленно опускает руку.

Щелчок. И следом — ровные, равнодушные гудки АТС. Она просто положила трубку, даже не став с ним разговаривать.

Денисов еще несколько секунд держал трубку у уха, слушая этот монотонный гул. Внутри шевельнулось нехорошее, липкое предчувствие, но сумасшедший ритм расследования уже затягивал обратно. Андрей тряхнул головой, положил аппарат на рычаг и снова повернулся к карте района. До полной катастрофы дома оставались считанные дни.

Кабинет Денисова. Заседание следственно — оперативной группы (СОГ).

Заседание ведёт следователь прокуратуры капитан Долгов..

Доклад Вершинина (по оперативной линии):

— **Шокирующий поворот:** Личность убитой установлена благодаря личной инициатива капитана Денисова. Она дала результат. Он бросив одобрительный взгляд на коллегу. — Если бы Андрей не догадался сразу вывесить снимок на общедоступный стенд у дежурной части, неизвестно, сколько бы мы еще топтались на месте. Случайная зацепка сработала идеально — фотографию сразу узнала работница фабрики, оказавшаяся к тому же женой капитана Сизова. случайности. Это Елена Ветрова, швея со второго цеха фабрики.

— **Главная загадка года:** По официальным данным и словам коллег (включая жену Сизова), ровно год назад, в сентябре, она якобы уехала на заработки в Москву. Никто её в городе все эти 365 дней не видел, заявления о розыске не подавались — все были уверены, что она в столице.

— **Версии по оперуполномоченным:** Сизов и Матросов проверяют, кто и при каких обстоятельствах пустил слух про отъезд в Москву и контактировал ли с ней кто-то за этот год.

Доклад Денисова (по следственным действиям):

— **Противоречие экспертизы и фактов:** Труп «свежий», эксперт Царёв и судмедэксперт и подтверждают удушение около трёх суток назад (30 августа). Возникает логистический тупик: где женщина находилась весь этот год? Версия о насильственном удержании (взаперти) становится приоритетной.

— **Допрос мужа (Николая):** Автомеханик год жил с легендой, что жена его бросила и сбежала в Москву, при этом сам находился в поле подозрений из-за давней ревности и скандалов. Сейчас его показания по поводу того года будут перепроверяться с удвоенной силой.

— **План на завтра:** Назначение дополнительных следственных действий, проверка окружения на фабрике и поднятие всех возможных архивов за прошедший год.

Долгов: — Хорошо. Следующее заседание группы через неделю. Продолжаем.

**Двойной удар: муж Елены и пропажа Голубевой.
4 сентября.**

Не успел Денисов вернуться в кабинет, как тихий отдел милиции Верхнереченска закрутило в официальном водовороте. Клубок интриги начал разматываться с бешеной скоростью.

Первым делом опера доставили в отдел мужа опознанной Елены — Николая, местного автомеханика.

Следователь ОВД капитан Денисов зашел в свой кабинет в райотделе, сразу набирая городской номер прокуратуры. Трубку на другом конце сняли быстро.

— Артур, привет, это Денисов, — сказал он, присаживаясь на край стола. Муж погибшей. — местный автомеханик Николай. Оперуполномоченные его только что доставили в райотдел, упирается, в отказ идет. Приезжай в ОВД, будем начинать допрос.

Следователь прокуратуры капитан Долгов, находившийся в своем рабочем кабинете в здании прокуратуры на другом конце города, тут же ответил:

— Понял тебя. Выезжаю, жди.

Через пятнадцать минут Долгов уже вошел в здание райотдела, скинул плащ на вешалку в кабинете Денисова и бросил:

— Ну что, где он? Ведите в допросную.

Через минуту дверь распахнулась с глухим ударом. Оперативники Матросов и Сизов буквально внесли внутрь упирающегося, взъерошенного и сильно похмельного мужика в засаленной куртке-спецовке. Его поймали прямо в гаражном кооперативе, где он пытался опохмелиться с мужиками.

— Да вы чего, менты, совсем зажрались?! — с порога начал орать Николай, пытаясь вырвать рукав из крепкого захвата Матросова. — Какое право имеете?! Я свободный гражданин! За что меня сюда приволокли?!

— Сядь и рот закрой, — хмуро бросил капитан Сизов, с силой опустив задержанного на привинченный к полу стул.

За столом восседал следователь прокуратуры Долгов, а рядом, сбоку, расположился следователь ОВД Денисов.

Долгов даже не поднял головы от бумаг. Он дождался, пока Николай немного выдохнется, а затем молча пододвинул по столу чёрно-белую фотографию из морга. Снимок лёг прямо перед заросшим щетиной лицом автомеханика.

Николай скользнул взглядом по фото, и его крик оборвался на полуслове. Он резко отпрянул, едва не перевернувшись вместе со стулом. Лицо его моментально побледнело, а остатки хмеля выветрились в секунду.

— Это... это что? Лена?! — его голос сорвался на сиплый шёпот.

— Да вы чего, гражданин начальник... Вы на меня это хотите повесить?! Да я её год не видел! Целый год, шальную! Как она в прошлый сентябрь шмотки собрала, паспорт в зубы и в Москву свою укатила — так ни слуху, ни духу! Я клянусь вам, я не видел её!

Николай затрясся, уставившись на прокурорского следователя дикими, испуганными глазами. Он понимал, что для всего города, знавшего его крутой нрав и вечные пьяные скандалы, он теперь подозреваемый номер один.

— Вы... вы на меня это хотите повесить?! — его голос сорвался на сиплый шёпот. — Да я её год не видел! Целый год, шальную! Как она в прошлый сентябрь шмотки собрала, паспорт в зубы и в Москву свою укатила — так ни слуху, ни духу! Я клянусь вам, я не видел её!

Следователь прокуратуры Долгов строгим взглядом смерил задержанного: — Не кричи, Ветров. О твоём крутом нраве и о том, как ты Елену бил, в городе многим известно. Логика простая: выследил, когда она тайно вернулась из столицы, приревновал, затащил в овраг и придушил.

— Не убивал я её! — Николай сорвался на истошный крик, стукнув кулаком по столу. — Врите, да не зарывайтесь! Я год один живу!

Если б я её встретил, я бы... я бы... Да не видел я её, сукой буду!

— Тихо, Николай, — весомо и остужающе произнёс Денисов, вмешиваясь в разговор и раскрывая принесённый журнал дежурной части. — Не ори. Мы зря обвинениями не бросаемся. Давай-ка лучше проверим, где ты у нас находился три дня назад, в ту самую злополучную ночь с тридцатого на тридцать первое августа...

Николай замер, лихорадочно соображая, и вдруг обречённо опустил голову: — Да где... Пил я. У магазина «Кедр» с мужиками...

— А вот и не угадал, — Денисов постучал пальцем по строчке в дежурном журнале. — Пить ты начал раньше. А ровно в 23:45 ты у этого магазина устроил дикий дебош с топором, пытался витрину разбить и бросался на продавщицу. Граждане вызвали патруль. ППС тебя приняли в ноль-ноль часов пятнадцать минут.

Денисов переглянулся с Долговым и продолжил: — Итого, гражданин Ветров: всю ночь, с двенадцати часов и до восьми утра тридцать первого августа ты железно сидел на нарах в нашем спецприёмнике. Под замком, под присмотром дежурного поста и в обнимку с тремя такими же местными алкашами, которые твои пьяные сопли всю ночь слушали. Выйти оттуда ты не мог никак. Алиби у тебя, Коля, — чистый гранит. Физически ты в том овраге у Тиховки находиться не мог.

Николай шумно, со свистом выдохнул воздух, словно у него с груди сняли стопудовую плиту. Он обессиленно обмяк на стуле, вытирая рукавом пот со лба: — Господи... Спасибо тебе, что я, дурак, ту витрину разбить решил... — пробормотал он.

Долгов подвинул к себе протокол допроса: — Свободен пока от подозрений в убийстве, Николай. Иди с операми, оформим протокол допроса свидетеля и подписку о невыезде.

Матросов вывел притихшего и протрезвевшего автомеханика из кабинета.

И в этот самый момент, когда Долгов и Денисов склонились над картой района, дверь кабинета снова распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся старший лейтенант Кузнецов, держа в руках два свежих бланка заявок.

— Артур Валентинович, Андрей Владимирович! — тяжело дыша, доложил Кузнецов. — Только что в дежурку поступило заявление от гражданина Голубева Олега. У него тридцать первого августа вечером пропала жена — Голубева Екатерина, швея-лекальщица с нашей швейной фабрики! И одновременно от директора фабрики пришёл официальный запрос: просят установить местонахождение той же Голубевой Екатерины Сергеевны, которая уже три дня не выходит на работу!

Денисов медленно поднялся из-за стола. Напряжение в кабинете можно было резать ножом.

— Так... — тихо и весомо произнёс Денисов, переглянувшись с Долговым. — Первая швея, Елена, пропала год назад, а в овраге её нашли задушенной три дня назад, 30 августа. А тридцать первого августа исчезает вторая швея — Катя Голубева... Это уже не случайность, коллеги. У нас в городе заводится серия.

Допрос мужа пропавшей Кати Голубевой. 4 сентября

Следователь ОВД капитан Денисов зашел в свой кабинет в райотделе, сразу набирая городской номер прокуратуры. Трубку на другом конце сняли быстро.

— Артур, привет, это Денисов, — сказал он, присаживаясь на край стола.. Муж — пропавшей швеи Кати Голубевой доставлен в отдел Приезжай, будем начинать допрос.

Следователь прокуратуры капитан Долгов, находившийся в своем рабочем кабинете в здании прокуратуры на другом конце города, тут же ответил:

— Понял тебя. Выезжаю, жди.

Через пятнадцать минут Долгов уже вошёл в здание райотдела, скинул плащ в кабинете Денисова и бросил:

— Ну что, где он? Ведите в допросную.

Комната была прохладной. На столе — папка с заявлением, протоколы, чёрно-белая фотография убитой Елены, лежащая лицом вниз.

За рабочим столом сидел следователь прокуратуры Долгов, рядом с ним — капитан Денисов.

Оперативники завели мужа пропавшей и закрыли дверь с той стороны. На стуле напротив следователей сидел бледный, осунувшийся мужчина в помятом пальто.

Олег Голубев выглядел так, будто не спал двое суток: небритый, глаза красные, движения резкие, нервные. Руки его крупно дрожали, он то и дело сжимал пальцы в замок, испуганно озираясь. В глазах застыл неподдельный страх.

Денисов налил в гранёный стакан холодной воды из графина и пододвинул Голубеву: — Выпейте, Олег Петрович. И успокойтесь.

Мы делаем всё возможное.

Голубев сделал два судорожных глотка, едва не зубами стуча по стеклу.

Следователь прокуратуры Долгов заполнил шапку протокола, включил кассетный диктофон и положил его на стол: — Голубев Олег Сергеевич, 1974 года рождения? — Да... — голос мужчины дрогнул. — Я заявление писал. Жена у меня пропала. Катя...

Долгов смерил его строгим взглядом: — Почему только сейчас пришли, гражданин Голубев? Вашей жены трое суток дома нет.

Ссора из-за денег произошла **утром перед её уходом на работу** поэтому когда она не пришла с работы к девяти, он решил, что она обиделась из-за утреннего скандала и уехала к матери прямо с фабрики.

— Да мы поругались тридцать первого утром, гражданин начальник!

Из-за денег сцепились, тяжело сейчас... Она характерная, вспылила и ушла на смену. Вечером с фабрики позвонила, сказала, что задержится до девяти, но так и не пришла. Я думал — всё ещё дуется за утро, забрала вещи из шкафчика на работе и прямо оттуда к матери в пригород уехала! Она всегда туда сбегала, когда мы цапались. Я ждал, думал, остынет.

А сегодня утром тёще на рабочий позвонил, а Кати там и не было!

Я сразу к вам...

Голубев заёрзал на стуле, пряча лицо в ладонях: — Да мы поругались тридцать первого утром, гражданин начальник! Из-за денег сцепились, тяжело сейчас... Она характерная, вспылила, забрала сумку и ушла на смену. Вечером с фабрики позвонила, сказала, что задержится до девяти, но так и не пришла.. Я думал — всё ещё дуется за утро, забрала вещи из шкафчика на работе и прямо оттуда к матери своей в пригород уехала, она всегда туда сбегала, когда мы цапались. Я ждал, думал, остынет.

А сегодня утром тёще на рабочий позвонил, а Кати там и не было! Я сразу к вам...

Денисов подался вперёд: — Когда и при каких обстоятельствах вы видели Екатерину в последний раз?

— В понедельник, тридцать первого августа. Катя на фабрике в дневную смену работала, до восьми вечера. С фабричного автомата на проходной она мне в восемь позвонила на домашний, говорит: «Олежка, мастер попросил остатки кроя пересчитать. Я быстро, бегу на автобус, к девяти буду дома». И всё... Дома она так и не появилась.

— Вы пытались её искать?

— Да я с девяти вечера себе места не находил! — Голубев ударил кулаком по колену. — Побежал на фабрику. Вахтёр Петрович сказал, что Катя позвонила, как она сказала, домой и ушла около девяти одна.

Я всю ночь по району носился! Обошёл все улицы от проходной до нашего дома, заглянул в круглосуточный магазин, Никто её не видел!

— Во сколько именно вы вышли на поиски? — уточнил Долгов.

— В девять, может, в девять пятнадцать. Я сразу почувствовал неладное. Катя никогда без предупреждения не задерживалась.

— Опишите её одежду в тот день, — попросил Денисов, готовый записывать.

— Синее пальто, чёрная юбка, свитер в полоску. На голове — шапка вязаная, серая. Сумка через плечо, коричневая, кожаная... — голос Олега задрожал, он снова закрыл лицо руками.

Денисов внимательно вглядывался в лицо мужчины, фиксируя каждую эмоцию. Похоже, шок и страх были не наигранными.

Долгов продолжил допрос: — Олег, а с Еленой — той, что год назад исчезла — ваша Катя близко общалась? Они ведь на одном предприятии работали?

Олег поднял голову, непонимающе моргая: — С Ленкой? Да какая там близость... Ленка-то шустрая была, видная, а моя Катька — тихая, домашняя. Но да, общались на перекурах, они же рядом за столами сидели... А что с ней? Нашли её? Мне дежурный внизу намекнул, что Ленку в овраге откопали...

Долгов проигнорировал вопрос и зашёл с другой стороны:

— Ваша жена не говорила, что кто-то её преследует? В последнее время замечали что-нибудь странное? Подозрительные звонки, незнакомцы у дома?

В глазах Голубева мелькнул настоящий ужас: — Нет... то есть... — он замялся. — Последние недели две она какая-то нервная была. Вечером с работы домой торопилась, по сторонам оглядывалась. Я спрашивал — молчит. «Устала», говорит. А я думал, на фабрике опять аврал...

Денисов и Долгов переглянулись. Связь двух исчезновений становилась всё очевиднее.

— Олег Сергеевич, — тихо произнёс Долгов. — Второго сентября в овраге у Тиховки было обнаружено тело Елены. Она была задушена. Поэтому мы должны найти вашу жену как можно быстрее.

Голубев мертвенно побледнел и обмяк на стуле: — Господи... Ленку?.

.Я всё расскажу... всё, что знаю... только найдите Катю!

— Напишите всё подробно, — Долгов пододвинул к нему лист бумаги и ручку. — Каждую мелочь: с кем говорила, кого упоминала, не видела ли подозрительных машин. Всё до минуты.

Олег покорно взял ручку и, низко склонившись над столом, начал быстро писать, шмыгая носом. Закончив, он вытер пот со лба и поставил подпись.

Долгов дал ему на подпись протокол допроса свидетеля и подписку о невыезде.

— Пока свободны, Олег Сергеевич. Из города никуда не уезжать.

Мужчина поднялся на негнущихся ногах: — Я рядом буду... под дверью сидеть... только скажите, если что-то найдёте.

Когда за Голубевым закрылась дверь, Денисов, Долгов и Вершинин остались в кабинете одни. Допрос дал важнейшую зацепку — мастер Василий, который заставил Катю задержаться на фабрике в ночь исчезновения.

Следователь прокуратуры Долгов подтолкнул бланки: — Пока свободны, Олег Сергеевич. Из города никуда не уезжать.

Мужчина поднялся на негнущихся ногах: — Я рядом буду... под дверью сидеть... только скажите, если что-то найдёте.

Когда за Голубевым закрылась дверь, Денисов и Долгов вышли в коридор. У окна их уже ждал начальник УГРО майор Вершинин, прикуривающий сигарету.

— Ну что там у вас? — Вершинин выпустил струю дыма.

— Допрос дал конкретную зацепку, — ответил Денисов. — Тридцать первого августа Катя Голубева задержалась на фабрике после восьми вечера. Говорит, мастер Василий попросил пересчитать остатки кроя.

С фабрики вышла одна около девяти.

Вершинин тут же сощурился: — Мастер Василий, значит... Матросов! Сизов! Ноги в руки — и на фабрику. Трясите вахтёра Петровича, поднимайте журнал смен и тащите сюда этого мастера!

Спустя час Матросов с Сизовым вернулись с фабрики и доложили в кабинете:

: — Опросили мастера Василия и вахтёра Петровича, взяли с них объяснения. Всё сходится. Вахтёр подтвердил: тридцать первого около восьми вечера Катя действительно звонила мужу с автомата на проходной, а потом вернулась в цех. Мастер Василий сам просил её пересчитать остатки кроя. По его словам, Катя закончила ближе к девяти, сдала ключи от цеха, попрощалась и вышла через проходную одна.

Куда пошла дальше — никто не видел.

Денисов задумчиво постучал карандашом по столу: — Значит, от проходной до автобусной остановки. И там её след обрывается.

Долгов повернулся к следователю ОВД:

— Денисов, забирай эти объяснения себе. Завтра с утра вызывай мастера Василия и вахтёра к себе в кабинет — допросишь обоих официально, под протокол. Мастера потряси поплотнее: откуда взялся этот пересорт кроя в конце смены и где он сам находился после девяти вечера.

Денисов кивнул, забрал бланки и сделал пометку в рабочем журнале: — Сделаю. Заодно подниму график смен и табель выходов, чтобы под протокол всё подшить.

Долгов поддержал: — Правильно. Если мастер чист — его показания станут нашей главной временной отсечкой.

А Матвей Борисович со своими операми пока пусть дометражно отработает весь маршрут от проходной до остановки — опросят торговые палатки, прохожих, жильцов близлежащих домов.

Осада микрофонами и статьи в прессе.

Утро 4 сентября в городском отделе милиции началось со штурма.

В узком предбаннике дежурной части, прямо у деревянного барьера, собралась толпа. Там были не только родственники пропавших, но и три местных репортера — из «Верхнереченского рабочего», независимого листка «Голос провинции» и парень с громоздким кассетным магнитофоном «Репортер» из местной радиоредакции.

Когда из дверей дежурки во внутренний коридор попытался пройти начальник горотдела полковник Гладышев, его тут же зажали в угол, выставив вперед микрофоны и блокноты. Денисов, проходивший мимо с папкой документов, притормозил в глубине коридора, наблюдая за этой жёсткой словесной дуэлью.

— Пётр Васильевич! — с ходу выкрикнула бойкая корреспондентка «Верхнереченского рабочего» Скворцова, чуть не ткнув полковника ручкой в грудь. — Город третьи сутки на ушах! В овраге нашли тело Елены Ветровой, швеи с фабрики. А сегодня ночью муж второй швеи, Голубевой, принёс заявление о её пропаже.. В Верхнереченске появился маньяк?! Почему милиция молчит?

Гладышев, уставший, с тяжёлыми мешками под глазами от бессонных ночей, насупился и поднял тяжёлую ладонь, призывая к тишине. — Товарищи журналисты, без паники. Прошу соблюдать спокойствие.

По факту обнаружения тела в овраге возбуждено уголовное дело по статье «Убийство». Следствие ведёт опытный следователь.

— А Голубева? — набычился корреспондент «Голоса провинции». — Её муж всю ночь у вас в дежурке просидел! Это вторая жертва? Они обе с одной фабрики! Вы связываете эти дела?

— Заявление от гражданина Голубева действительно поступило несколько часов назад, — сухо, чеканя каждое слово, ответил Гладышев, стараясь сохранять казённое хладнокровие. — На данный момент проводится комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Говорить о серии или о маньяке пока преждевременно и безответственно с вашей стороны. Не нужно сеять панику среди населения.

— «Преждевременно»? — загалдели репортеры. — Женщины пропадают одна за другой! У вас есть подозреваемые? Фабрику проверяете? Что начальство фабрики — в курсе, что у него сотрудниц режут?

— У следствия есть определенные рабочие версии, — отрезал полковник Гладышев, решительно продвигаясь к выходу и плечом отодвигая слишком прыткого радиорепортёра с микрофоном. — В интересах следствия никакие подробности не разглашаются. Преступник будет найден. Всё, товарищи, освободите проход, не мешайте работе отдела!

Гладышев скрылся за массивной дубовой дверью своего кабинета, с силой захлопнув её перед самым носом Скворцовой. Журналисты переглянулись. Ждать чего — то конкретного было бесполезно. Скворцова зло сплюнула, закрыла блокнот и бросила коллегам:

— «Рабочие версии» у них... Ладно. Пишем как есть. Сами они ни черта не знают, пока третья девка не пропадёт.

Уже через три часа свежий, ещё пахнувший типографской краской спецвыпуск «Верхнереченского рабочего» лежал на прилавках. Текст «допроса» полковника Скворцова вывернула так, что беспомощность органов стала очевидной для всего города.

«Кровавый след на фабрике? Верхнереченск в страхе»

«...Сегодня утром нашему корреспонденту удалось буквально взять штурмом начальника горотдела милиции полковника П. В. Гладышева. Однако высокопоставленный чин предпочёл отгородиться от напуганных горожан казёнными формулировками. На прямой вопрос о том, связывает ли следствие зверское убийство швеи Елены Ветровой, чьё тело нашли в овраге, и таинственное исчезновение её коллеги Екатерины Голубевой (пропавшей 4 сентября), начальник отдела ответил, что паниковать «преждевременно».

Милиция заявляет о наличии «рабочих версий», но за этими словами, похоже, скрывается полное бессилие перед лицом дерзкого преступника. Очевидно одно: обе женщины работали на Верхнереченской швейной фабрике. Город погружается в страх, работницы предприятия боятся выходить на смены, а руководство отдела милиции в лице полковника Гладышева лишь просит «не мешать работе», пока маньяк, возможно, выбирает новую жертву...»

Глава 3. Народный сход на скамейке

Верхнереченск — городок маленький.

Новость о страшной находке в овраге у Тиховки разнеслась по Верхнереченску со скоростью степного пожара. Она разлетелась быстрее, чем успели высохнуть следы шин на просеке, всколыхнула его, словно брошенный в пруд камень. К полудню город уже напоминал растревоженный улей. Возле продовольственных магазинов, на автобусных остановках и во дворах только и слышны были бабы пересуды. Разговоры и слухи, которые затихли было год назад после внезапного исчезновения Елены от мужа-пропойцы, вспыхнули с новой, пугающей силой.

— Да точно вам говорю, это он, Колька проклятый, её и сжил со свету! — шушукались бабы на автобусной остановке у швейной фабрики. — Как пить дать, выследил и пришил!

— Да как же, Митрофановна, окстись! Её ж год в городе не было, все думали — в Москве на заработках!

— А она, видать, приехала тайно... Может, за вещами какими, а этот аспид её углядел, приревновал к москвичам-то да и задушил!

— Ей-богу, бабы, это он! — подала голос из угла остановки сухонькая бабка Марфа. — Мне давеча, аккурат под утро, видение было: будто волк зашёл к нам в огород, загрыз овцу, схватил зубами и уволок в самый лес. Это, бабы, точно знамение за Ленку было!

— Да брось ты, старая! Совсем из ума выживаешь, всякую ерунду мелешь, — махнула на нее рукой молодая швея.

— А вот и не мелю! — не сдавалась Марфа, оскорбленно поджимая губы. — В прошлом годе, как мне видение пришло, я сразу сказала, что у соседской Варьки тройня будет. И что? Так и вышло! Вы же помните, бабы, как я говорила? Вы тогда меня тоже на смех подняли. А вышло-то по-моему!

В толпе примолкли. Кто-то из женщин вздохнул и тихо подтвердил: — Было, точно так и было, как она говорила...

Бабы немного притихли, испуганно переглядываясь. Спорить о Варькиной тройне никто не решился.

— А что ж оно теперь будет-то? — жалобно протянула опять Марфа. — Девка-то ещё молодая совсем была... Изнасилована, убита... Страшно-то как, господи!

— Да не бойсь ты так, тебя-то уж точно насиловать никто не позарится! — грубовато хохотнул кто-то из глубины толпы, но шутка вышла несвоевременной, и на острьяка зашикали.

— Ленка девка видная была, — снова завели бабы. — Не захотела с этим пропойцей жить, вот и решила бросить окончательно. Точно, это он её по пьяни и подкараулил...

— Да нет же, пустомели! — громогласно вмешалась стоявшая рядом дородная торговка из ларька, торгующая семечками. — Муж её чист! Он в ту самую ночь пьяную драку у магазина затеял и до самого утра в КПЗ сидел, у ментов под замком. Мне кума из дежурки сказывала, врать не станет!

— А кто ж тогда? — Манька аж вперед подалась, не желая сдаваться. — Сама не знаешь, чего несешь! Если не муж, значит, водителя нашли какого-то, нехристя! Он и убил её. Разве ж можно по ночам в чужие машины садиться? Вот и поплатилась девка за глупость...

— А кто ж тогда? — Манька не сдавалась.

— Да что ты говоришь-то? Сама не знаешь, чего несешь! Значит, водителя нашли какого-то нехристя. Он и убил её, непутёвую. Разве ж можно по ночам в чужие машины садиться? Вот и поплатилась девка за глупость...

— Манька, да что ты несешь на мертвую?! — вскинулась молодая швея из цеха. — Язык как помело! Ленка золото была, швея от бога! Какой водитель, если её год никто не видел?!

— Хватит вам, бабы, ссориться! — зычно прикрикнула пожилая швея в тёплом платке. — Пошли лучше к управе. Там, говорят, уже корреспонденты с области приехали, с телевидения, милицию нашу осаждают! Пошли и мы послушаем, да пошумим. Дармоеды они там все, в кабинетах своих! Нас не защищают, девки среди бела дня пропадают — вон, Катька Голубева третий день как сквозь землю провалилась! Скоро страшно будет во двор выйти!

— Правильно, Михалина! К мэру надо идти! А то как выборы — так вагон обещаний, и фонари нам на Речной, и патрули! А как убивать начали — так попрятались!

— А не поможет мэр — пошли все вместе к прокурору! Пусть хоть он наведёт порядок. А если и там от ворот поворот — мы до самой Москвы дойдем, до министерства!

С этим грозным решением бабы, подхватывая пустые сумки и увлекая за собой прохожих, гурьбой поплелись к двухэтажному кирпичному зданию милиции.

К часу дня у крыльца милиции стоял уже нешуточный ор. Воздух гудел от возмущения, голоса сливались в единый гул.

Толпа человек в сто — в основном женщины с фабрики, разгневанные мужики из гаражного кооператива и вездесущие пенсионеры — плотно заблокировала выезд со двора. В воздухе пахло грозой. Приехавший на старенькой «Ладе» местный корреспондент с камерой только подливал масла в огонь, выискивая ракурсы погорячее.

Из толпы летели злые, хлёсткие обвинения: — Гладышева давай! Начальника на крыльцо! Где порядок в городе?! За что налоги платим?! — Мурыжат дела, висяки копят! Скоро маньяки по улицам ходить будут! — Выходи, полковник, отвечай перед народом! Не выйдешь — мы областное начальство сюда вызовем, живо погоны слетят! Толпа гудела, как улей. Каждый говорил своё, никто никого не слушал.

Дежурный милиционер на входе в здание милиции пытался успокоить:

— Граждане, ведите себя спокойно. Идёт работа. Следствие занимается...

Но его никто не слушал.

В кабинете начальника милиции.

Окна дежурной части были плотно закрыты, но даже сквозь толстые стекла этот гул пробивался в коридоры здания тяжёлым, давящим фоном.

Начальник милиции полковник Гладышев стоял у окна своего кабинета на втором этаже, отодвинув пальцем тяжёлую портьеру. Лицо его было серым, а челюсти сжаты так, что желваки ходили ходуном. Внизу бушевал его город. Город, который он считал тихим и безопасным.

В дверь кабинета без стука зашёл майор Вершинин, за ним бледный капитан Денисов.

— Петр Васильевич, — глухо доложил начальник УгРо. — Матросов и Сизов готовы к выезду по водителю Серову. Но УАЗиком со двора не выехать — толпа ворота заблокировала. Требуют вас. Если сейчас не выйти, они штурмом дежурку брать пойдут. Ревут, что милиция дармоеды и никого не защищает.

Гладышев медленно повернулся. Тяжело вздохнул, поправил портупею и глухо, но властно произнес: — Дармоеды, говоришь?.. Ладно. Андрей Владимирович, бери протоколы и с операми через чёрный ход, через заборы прыгайте, но Серова мне из-под земли достаньте. Кровь из носу — водила должен быть в отделе через час. А я пойду... пообщаюсь с народом. Послушаю, что обо мне думают.

Полковник взял со спинки стула фуражку, аккуратно надел её перед зеркалом и тяжёлым шагом направился к выходу, навстречу ревушей площади.

Начинались самые тяжёлые сутки в истории Верхнереченского отдела милиции.

Полковник Гладышев стоял у окна второго этажа, слушал. Пауза, короткая, тяжёлая. Он понимал: если не выйти сейчас — толпа сорвётся.

Поединок с толпой.

Он спустился вниз, Массивные деревянные двери отдела милиции Верхнереченска тяжело распахнулись, и на крыльцо вышел полковник Гладышев. В кителе, грузный, с непро-

нищаемым лицом офицера старой закалки, он на секунду замер на верхней ступеньке, окинув толпу тяжелым, спокойным взглядом. При его появлении гул на площади чуть приутих, но уже через секунду взорвался с новой силой.

— Вышел! Наконец-то! Вышел, полковник! — закричали в первых рядах. — Ну давай, Петр Васильевич, отвечай!

Гладышев сделал два шага вперед, к натянутой оперативниками ленте, и поднял руку, призывая к тишине. На него тут же наставили объектив областной телекамеры. Из толпы вперёд протиснулась та самая пожилая швея Михалина в тёплом платке, тяжело дыша от злости и волнения.

— Вы нам зубы не заговаривайте, Пётр Васильевич! — звонко выкрикнула она, тыча в сторону полковника узловатым, рабочим пальцем. — Вы скажите людям прямо: что в городе творится?! Ленку задушили, Катька Голубева три дня как пропала! Нам что теперь, по домам запереться и носа на улицу не высылать? За что вы погоны носите, за что вам государство деньги платит, если нас, простых баб, защитить некому?! Дармоеды!

Толпа одобрительно взревела, захлопала, кто-то сзади свистнул.

Шум сразу стал тише. Люди повернулись к нему.

Гладышев поднял руку — не резко, спокойно.

— Граждане Верхнереченска. Прошу тишины.

Толпа постепенно стихла.

Гладышев дождался, пока волна шума сойдет, и заговорил. Голос его, густой, зычный, закалённый годами командования, без всякого мегафона перекрыл первые ряды:

— Граждане! Тихо! Прошу тишины! — полковник дождался относительного молчания. — Понимаю ваш гнев и вашу тревогу. У всех у нас здесь семьи, жёны, дети. И то, что произошло в овраге у Тиховки — это трагедия для всего Верхнереченска. Но заявляю вам официально: полиция не сидит сложа руки. Уголовное дело по факту убийства Елены и пропажи Екатерины возбуждено в тот же час. Создана усиленная следственно-оперативная группа. На месте преступления отработали лучшие эксперты, улики собраны.

— Да какие улики?! — выкрикнул из толпы рослый мужик в рабочей куртке-спецовке. — Кольку-автомеханика трясите, мужа её! Он её всю жизнь смертным боем бил, а теперь, небось, прирезал и в овраг прикопал! А вы его отпустили, люди видели! Покрываете?!

— Никто никого не покрывает! — жёстко отрезал Гладышев, приструнив мужика взглядом. — По закону Российской Федерации мы проверяем каждую версию. Гражданин Николай Голубев был задержан первым. Но у него стопроцентное, железное алиби. В ночь убийства он находился под стражей в камере за административное правонарушение. Сам факт убийства произошёл три дня назад. И физически совершить его он не мог, это подтверждено записями видеокamer. Мы работаем только по фактам, а не по слухам!

В толпе зашумели. Версия про мужа, в которую весь город верил еще полчаса назад, прямо на глазах развалилась. Но Михалина не отступала:

— Ладно, Колька сидел. А Катька Голубева где?! Одна швея мёртвая в овраге всплывает, а вторая через день бесследно пропадает! Это что, совпадение по-вашему? Маньяк у нас в городе завёлся, а вы молчите, статистику бережете! — **Почему у нас женщины пропадают?! Год назад Лена исчезла — вы что делали?! А почему вы раньше не искали?! Почему дело не открыли год назад?! Почему никто не проверял фабрику?! Почему у нас женщины пропали?! Это её муж убил! — Да он в КПЗ сидел, когда она пропала! — Таксист её подвёз — вот и всё! — Почему вы его не задержали?! Мы требуем областное начальство! К мэру пойдём! К прокурору! До Москвы дойдём!**

Гладышев не перебивал. Дал толпе выговориться. Только когда шум начал спадать, он сделал шаг вперед, вплотную к перилам, и его голос зазвучал тише, но весомее, заставив людей прислушаться:

— Прошу без паники. Год назад заявление о пропаже Елены в милицию не поступало.

Ни от мужа. Ни от соседей. Ни от фабрики. Он произносил слова с расстановкой.

По факту исчезновения Екатерины Голубевой заявление принято час назад. Уголовный розыск уже работает по горячим следам. Прямо в эти минуты наши оперативники выехали на задержание конкретного подозреваемого. У нас есть зацепка — машина, которая находилась в районе оврага в ночь убийства и крутилась возле фабрики. Я даю вам слово офицера: мы найдем Екатерину и поймает того, кто это сделал. Но сейчас от вас мне нужна помощь, а не митинги.

— Какая ещё помощь? — недоверчиво спросила молодая швея из толпы.

— Спокойствие. Не плодите сплетни. И если кто-то из вас в ночь 30 или 31 числа числа видел что-то подозрительное на улице Речной или у швейной фабрики — любую машину, незнакомого человека — немедленно идите к следователю Денисову. Любая деталь может спасти Катю Голубеву. Мы работаем. И прошу вас не распространять неподтверждённые слухи, не мешать следствию, и сообщать любую информацию, которая может помочь.

А к мэру и прокурору ходить не надо — я сам перед ними за каждый шаг отчитываюсь. Расходитесь по домам, не мешайте работать оперативникам. О результатах задержания я лично сообщу через прессу.

Полковник Гладышев еще раз окинул толпу строгим, просящим взглядом, приложил руку к козырьку фуражки, развернулся и твёрдым шагом зашел обратно в здание милиции.

На площади воцарилась тишина. Бабы растерянно переглядывались. Железная уверенность полковника и известие о том, что опера прямо сейчас кого-то берут, сбили спесь с бунтовщиков.

— Ну что, Михалина... — тихо сказала торговка из ларька. — Пошли, что ль? Вишь, ловят уже кого-то. Дай бог, Катюшку живой найдут.

Толпа нехотя, разбиваясь на мелкие группки, начала медленно расходиться.

Кабинет Денисова. 5 сентября, утро. Допрос свидетелей.

Утренний свет едва пробивался сквозь засиженное мухами окно кабинета. На столе Денисова лежали два свежих бланка протоколов допроса свидетеля, чистые листы бумаги и пузатая баночка с чернилами.

Телефон на столе Денисова резко затрезвонил. Капитан снял трубку, прижимая её плечом к уху, продолжая расстилать на столе бланки протоколов:

— Денисов.

— Андрей, привет, это Долгов, — голос прокурорского следователя звучал глуховато из-за помех на линии. — Ты с утра пораньше что-то хотел? Мне дежурный доложил. Я пока в прокуратуре, у меня тут вал бумаг.

— Артур, у нас тут двое ключевых свидетелей со швейной фабрики подошли, — быстро заговорил Денисов. — Вахтёр, который за проходной следит, и мастер закройного цеха, где пропавшая Катя Голубева работала. Ты приедешь к нам в ОВД, или сам быстро отпишу?

В трубке на секунду повисла пауза, раздался шорох бумаг, после чего Долгов ответил:

— Проводи допрос сам, Андрей. Зафиксируй всё детально, особенно то, что касается её исчезновения. Потом материалы подкинешь мне или доложишь по результатам. Я пока здесь закончу.

— Понял, принято, — Денисов положил трубку на рычаг и кивнул оперативнику у дверей: — Заводи первого. вахтёра с проходной.

Первым в кабинет вошёл вахтёр швейной фабрики — седой, сутулый дед в застиранном форменном кителе.

1. Допрос вахтёра Петровича.

Денисов заполнил анкетную часть, предупредил деда об ответственности за дачу ложных показаний по статье 307 УК РФ и подтолкнул бланк на подпись: — Подпишите здесь, Степан Петрович. И давайте по порядку. Тридцать первое августа, ваш вечерний дежурный рабочий день.

— Да всё как обычно, Андрей Владимирович, — дед вздохнул и оперся сухими ладонями о колени. — Я на смену заступил в восемь утра.

В восемь вечера дневная смена кончилась, народ повалил через проходную. Катя Голубева тоже шла со всеми, но на проходной остановилась. Попросила у меня разрешение позвонить с нашего городского. Позвонила мужу, сказала, что задержится на час — мастер попросил остатки ткани пересчитать. И вернулась обратно в цех к Василию.

— Время звонка помните точно? — По часам на стене — аккурат восемь вечера три минуты было. Я ещё пометочку в журнале сделал, что она на территории осталась.

— Когда Екатерина выходила с фабрики в последний раз? — В девять вечера ровно. Я как раз радио включил, сигналы точного времени передавали. Мастер Василий сам цех запер, а Катя мимо меня через вертушку прошла, попрощалась и вышла на улицу.

— С кем-то из сотрудников или посторонних она выходила? — Одна, — твёрдо отрезал Петрович. — Я в окно проходной ещё глянул — она к автобусной остановке пошлагала. Освещение там, правда, паршивое, фонарь у ворот мигает, но шла она точно одна.

— А мастер когда ушёл? — Василий-то? Минут через десять-пятнадцать после Кати. Сдал мне ключи от закройного цеха под расписку, буркнул «до завтра» и на свою «шестёрку» сел.

Денисов внимательно записал каждое слово, дал деду перечитать протокол и подписать показания.

— Спасибо, Степан Петрович. Свободны.

2. Допрос мастера закройного цеха Василия.

Следующим в кабинет зашёл мастер закройного цеха — грузный мужчина лет сорока пяти в мятом пиджаке. Он заметно нервничал, беспрестанно вытирая носовым платком лысину.

Денисов заполнил шапку протокола, огласил права и строго посмотрел на мастера: — Василий Игнатьевич, расскажите подробнее, почему именно тридцать первого августа в конце смены вы задержали именно Катю Голубеву?

Мастер заёрзал на стуле, избегая прямого взгляда: — Да господи, капитан, обычная рабочая ситуация! Закройный цех сдавал смену.

По накладным выходил пересорт по рулонам драпа. Если бы я так сдал, на меня бы недостачу повесили! Катька — девка толковая, лекальщица строгая, я её и попросил: «Кать, пересчитай остатки в третьем стеллаже, я тебе в следующем месяце премию выпишу».

— Почему не попросили кого-то другого? — Так все уже на проходную бежали, на восьмичасовой автобус! А Катя задержалась у стола, ниточки подчищала. Она согласилась без вопросов.

— Во сколько вы расстались? — Без пяти девять. Она закончила переучёт, отдала мне ведомость. Я сказал «спасибо», она забрала сумку и пошла на выход. Я ещё минут десять в кабинете над бумагами просидел, потом цех запер, ключи деду на вахту сдал и уехал.

Денисов резко подался вперёд, понизив голос: — Василий Игнатьевич, а куда вы уехали в девять пятнадцать вечера? На машине?

Мастер прерывисто вздохнул и испуганно замахал руками:

— Андрей Владимирович! Клянусь вам, я домой поехал! К жене! У меня тёща гостила, мы в полдесятого уже ужинали! Жена подтвердит, соседи видели, как я «Ладу» во дворе парковал! Вы что, на меня думаете?! Да я Катьку пальцем не трогал!

— Жена подтвердит? — переспросил Денисов, фиксируя время в протоколе. — И жена, и теща! Они меня ждали, у нас ужин был запланирован!

— Хорошо, Василий Игнатьевич. Распишитесь в протоколе. Но предупреждаю: алиби ваше мы проверим до минуты. Из города никуда не выезжать.

Мастер дрожащей рукой поставил размашистую подпись, с облегчением поднялся и выскочил из кабинета.

Денисов перечитал оба протокола. Картина вырисовывалась предельно чёткая:

— **20:03** — Голубева звонит мужу.

— **20:05—20:55** — пересчитывает крой в цехе.

— **21:00** — сдаёт ключи вахтёру и выходит с проходной.

— **21:03** — идёт одна в сторону автобусной остановки.

Денисов взял папки и пошёл в коридор искать Долгова и Вершинина: главная временная точка исчезновения была зафиксирована процессуально. Теперь оставался только отрезок пути от ворот фабрики до остановки.

Глава 4. След «четверки» водителя

В этот же момент к столу Денисова подошёл капитан Сизов, держа в руках распечатки с дорожных камер, полученные от дорожников полчаса назад.

— Андрей Владимирович, у нас выстреливает вторая зацепка, Сизов положил перед следователем снимки. — Смотри. Ровно три дня назад, в ту же самую ночь, камеры на выезде из промзоны у швейной фабрики зафиксировали старую, вишневую «четверку». Время — час пятьдесят ночи. Машина крутилась там как раз тогда, когда пропала вторая швея, Катя Голубева. И эта же самая «четверка» ровно в три часа ночи зафиксирована на проселке, когда уходила со стороны у реки Тиховки. Почти оттуда, где лежала Елена.

Денисов придвинул к себе снимки, вглядываясь в грязный номер машины. — Номера читаются?

— Три цифры есть. Машина принадлежит Серову Игорю Дмитриевичу. Местный водила с автобазы, воришка, солярку сливает, — прищурился Сизов. Андрей Владимирович. Ровно три дня назад в три часа ночи он был у оврага и похоже, этот Серов причастен и к появлению Ленки в овраге, и к пропаже Кати Голубевой.

Картинка начала складываться, но от этого становилась ещё страшнее. Муж, которого обвинял весь город, оказался заперт в камере в ночь убийства. Зато на сцене появился ночной извозчик Серов на своей старой развалине.

Денисов подошёл к окну, всматриваясь в серую пелену дождя. Опера радовались готовой версии: водитель-насильник подобрал Катю, завёз к оврагу, а там наткнулся на сбежавшую Елену? Или Серов и есть тот самый курьер, который возит товар? И главное — этот едва заметный, слабый след на лодыжке Елены. Откуда он, если её год никто не видел?

— Сизов, зови Матросова, — скомандовал Денисов. — Вершинин договорился, полковник Гладышев сейчас толпу на крыльце отвлекает. Нам надо успеть взять этого Серова, пока он из города не дернул.

По коням! — В машину, орлы, — скомандовал Вершинин, передергивая затвор «Макарова». — Едем брать Серова и его «четверку». Пора колоть гада.

Задержание Серова. 5 сентября.

Служебный «УАЗик» оперативников остановили в паре кварталов от нужного адреса — заезжать прямо во двор к Серову с включенной сиреной было равносильно тому, чтобы спугнуть птицу. Капитан Матросов и капитан Сизов, обогнув дырявый дощатый забор, зашли со стороны старых заброшенных складов. Следователь Денисов шёл чуть позади, держа руку ближе к расстегнутой кобуре.

Вишневая «четверка» стояла во дворе у покосившегося сарая. Капот был задран вверх, из-под него валил лёгкий сизый дым. Сам Серов — тощий, жилистый мужик в замасленной куртке и с трехдневной щетиной — ковырялся в карбюраторе, матерясь на чем свет стоит. На грязном бампере машины отчётливо виднелись свежие потёки засохшей глины — точно такой же, как на дне оврага у Тиховки.

— Серов Игорь Дмитриевич? — громко и жестко окликнул его Матросов, заходя с фланга.

Мужик резко дернулся, выронил гаечный ключ, который с металлическим звоном ударился о асфальт, и рванул было к калитке заднего двора.

— Стоять! Стрелять буду! — рявкнул Сизов, мгновенно перерезая ему путь и демонстративно положив руку на рукоятку «Макарова».

Серов замер, тяжело и часто дыша, как загнанный зверь. Его бегающие желтые глаза лихорадочно оценивали шансы, но против двоих крепких оперов и хмурого следователя делать было нечего.

— Вы чего, командиры? — Серов выставил вперед грязные, в мазуте руки. — Какое право имеете? Я машину чиню! Соляру больше не трогал, клянусь!

— Заткнись, Серов. Руки за спину, — Матросов профессиональным, отработанным движением заломил ему правую руку, и во дворе сухо щелкнули стальные «браслеты» наручников.

— Поедешь с нами. Поговорим о твоих ночных поездках.

Денисов тем временем подошёл к открытой водительской двери «четверки» и заглянул внутрь. На резиновом коврик переднего пассажирского сиденья, среди мелкого мусора, окурков и старых чеков, лежало то, что заставило следователя внутренне подобраться.

Это была вторая женская туфля. Точно такая же, как на правой ноге погибшей Елены.

Денисов снял трубку и набрал прямой номер прокуратуры:

— Артур. Это Денисов. По поводу допросов свидетелей пропажи Кати Голубевой и новых оперативных данных. Короче говоря, картина вырисовывается интересная, есть что обсудить.

— **Допрос вахтёра Петровича:**

— Катя Голубева в восемь вечера 30 августа не ушла со всеми. Попросила телефон, позвонила мужу (сказала, что задержится на час для пересчета ткани) и вернулась в цех.

— Точное время ухода с фабрики — ровно девять вечера. Мастер запер цех, она прошла через турникет одна и направилась к автобусной остановке. Мастер Василий уехал минут через десять-пятнадцать после неё.

— **Допрос мастера Василия:**

— Подтвердил, что сам попросил её остаться на переучёт. Расстались в без пяти девять, после чего он запер цех и уехал домой.

— На вопрос о времени и маршруте занервничал, заявил, что ровно в девять пятнадцать уже был дома, ужинал с женой и тещей. Алиби требует проверки.

— **След вишнёвой «четвёрки» (оперативная удача Сизова):**

— Камеры у промзоны зафиксировали старую вишнёвую «четвёрку» в час пятьдесят ночи — как раз в районе фабрики.

— Эта же машина зафиксирована на проселке в три часа ночи у реки Тиховки — практически там, где позже нашли тело.

— Установлен владелец по частичным номерам — Серов.

Задержание:

— Серова только что доставили в ОВД. При задержании орал, что чинит машину и «соляру больше не трогал».

— Готовим допрос самого Серова, — попытожил Денисов. — Ждать тебя или начнем прессовать его здесь?

Долгов: — - Допрашивай без меня. Потом доложишь.

Допрос в отделе.

Через сорок минут Серов уже сидел на привинченном к полу стуле в кабинете Денисова. Наручники с него сняли, но оперативники Матросов и Сизов встали у двери, перекрывая любой выход.

Денисов молча положил на стол перед водителем прозрачный пластиковый пакет, внутри которого лежала грязная женская туфля.

— Твоя «четвёрка», Серов, зафиксирована дежурным нарядом ГАИ три дня назад, в ночь с понедельника на вторник, — ледяным тоном начал Денисов, включая кассетный диктофон. — В два часа ночи ты крутился у швейной фабрики, а в три тридцать твою машину засекли у

поворота к оврагу у реки Тиховки. А вот эту обувь мы изъяли из твоего салона при досмотре. Хозяйка этой туфли лежит в морге с переломанной гортанью. Рассказывай, как убивал.

Серов аж подпрыгнул на стуле, лицо его моментально стало землистого цвета, а на лбу выступил крупный пот.

— Гражданин начальник! Какой убивал?! Вы чего?! — закричал он, срываясь на фальцет. — Не убивал я никого! Ей-богу, не убивал!

Да, девка была! Но я её пальцем не тронул!

— Не ори, — прикрикнул Матросов из угла. — Рассказывай всё как есть, пока мы тебе соучастие в чистом убийстве не оформили.

Серов сглотнул, судорожно лоя ртом воздух:

— Ладно, ладно! Будь оно всё проклято... В ту ночь я соляру сливал с автобусов на автобазе, ну, дело житейское. Еду обратно через промзону, темно, хоть глаз выколи, дождь этот дурацкий начинается. Вдруг вижу — у дороги, прямо возле кустов у фабрики, девка стоит. Ну, то есть, бежит будто. Штатается, руку тянет. Ну я и притормозил. Думал — пьяная или из сауны сбежала от коммерсантов. Она в машину прыгнула, дышит как загнанная собака, говорить толком не может. Задышается, хрипит: *«Увези меня отсюда, дяденька, спрячь, он убьёт меня!»*

Денисов подался вперёд, не сводя глаз с лица задержанного:

— Кто убьёт? Имя называла?

— Не называла! — Серов замотал головой. — Она вообще как безумная была! Трясётся вся, плачет. Я испугался, думаю — нахрен мне этот криминал сдался? Сейчас менты примут, фиг отмажешься. Я ей говорю: «Слышь, дура, вылезай, у меня проблемы будут». А она вцепилась в торпеду, визжит. Ну я её за шкирку и выпихнул из машины прямо у поворота на Тиховку! Она когда вырывалась, одна туфля с ноги скинулась, а я не видел, как обувка в салоне под сиденье закатилась.

Я только утром её нашёл... Она в овраг этот проклятый побежала прятаться, а я по газам и ходу оттуда! Больше я её не видел!

В кабинете повисла тяжёлая тишина.

Денисов откинулся на спинку стула, обдумывая показания. Серов её подобрал, испугался и выбросил у оврага. Значит, настоящий мучитель настиг её уже там, когда она пыталась спрятаться.

«Серов не врёт, — медленно произнёс про себя следователь. — Елена бежала не от мужа и не от Серова. Она бежала от кого-то другого...»

— Значит так, Серов, — Денисов пододвинул к себе раскрытую папку и начал быстро заполнять бланк. — Твои сказки про «высадил у поворота» пока к делу не приспособишь. Факты против тебя: твоя машина у места преступления и туфля убитой — у тебя в салоне. На основании статьи 91-й Уголовно-процессуального кодекса РФ, ты задерживаешься как подозреваемый на сорок восемь часов. За это время проведём экспертизу в салоне твоей «четвёрки» и сделаем смывы с твоих рук.

Денисов перевернул листы и протянул Серову ручку:

— Расписывайся в протоколе допроса и протоколе задержания.

Серов взял ручку дрожащей рукой, быстро чикнул подписью и сжался на стуле.

Денисов забрал бумаги и вызвал конвой:

— Дежурный, забирайте задержанного в изолятор временного содержания (ИВС).

Когда металлическая дверь спецблока в конце коридора глухо хлопнула, Денисов остался в кабинете один. Он снял трубку городского телефона и набрал прямой. На том конце провода ненадолго повисла пауза, после чего голос Долгова отозвался: — Понял тебя, Андрей. Протоколы передай с посыльным мне в прокуратуру номер следователя прокуратуры Долгова.

— Артур Валентинович? Это Денисов, — произнёс капитан в трубку. — Допросил Серова по вашему поручению. Протокол задержания по девяносто первой оформил, закрыл в

ИВС на двое суток. Но тут вот какое дело... Мужик колосся искренне. Говорит, подработал ночным извозом и подобрал Елену у фабрики, а она уже бежала от кого-то в ужасе и кричала, что её убьют. Он испугался криминала и вышвырнул её у оврага.

На том конце провода ненадолго повисла пауза, после чего голос Долгова отозвался: — Понял тебя, Андрей. Протоколы передай с посыльным мне в прокуратуру. Настоящий убийца всё ещё гуляет по городу. И Катя Голубева, похоже, у него...

Денисов положил трубку и подошёл к окну, всматриваясь в темнеющие улицы Верхнереченска. Первая часть головоломки встала на место, оставив следствие перед лицом смертельной опасности.

Совещание в отделе. 5 сентября, 10:00.

В кабинете пахло крепким остывающим кофе. За окном на Верхнереченск опускались сумерки. За длинным столом сидели оперативники уголовного розыска и следователь. Атмосфера была наэлектризована: рядовое, казалось бы, обнаружение тела в овраге у реки Тиховки за несколько часов превратилось в зловещую головоломку, связывающую воедино события прошлого года и последних дней.

Полковник Гладышев, хмуро окинув присутствующих взглядом, постучал ручкой по столу: — Время поджигает, товарищи офицеры.. Докладывайте по существу. Начнём с медицины. Глеб Федорович, что у нас по трупу?

Эксперт-криминалист Царёв поднялся, поправляя очки, и открыл папку:

— Первичное вскрытие завершено, получили заключение. Смерть наступила в результате механической асфиксии — гортань переломана. Убили ночью тридцатого августа, между двумя и четырьмя часами.

На момент обнаружения она пролежала в овраге **семидесят два часа плюс пять часов..** Одета по-осеннему: легкий плащ, платье.

На правой ноге — кожаная туфля. На левой ноге обуви не было. Но есть странность, которая меня беспокоит.

Царёв сделал паузу, привлекая внимание. — На бледной коже левой щиколотки обнаружена едва заметная кольцевая потертость. След давний, почти сошёл, но на мертвой коже проступил желтоватым контуром. Трупные явления мешали определить сразу, но микроскопические срезы показали: это точно не от ремешка туфли или тесной обуви. Контур слишком жёсткий. От чего именно осталась эта натёртость, я пока сказать не могу. Нужно время.

Гладышев недовольно качнул головой:

— Добро. Ищи, Глеб Федорович.

Гладышев перевёл взгляд на начальника УгРо: — Матвей Борисович, подключай своих орлов. Что у розыска по оперативным мероприятиям?

Начальник УгРо майор Вершинин развернул карту района:

— Работаем по двум направлениям, товарищ полковник. Первое — подомовой обход. Сизов и Матросов отработали Речную улицу и прилегающий сектор у оврага. Зацепок по местным нет, никто ничего подозрительного не видел. Зато выстрелило второе направление — дорожные камеры вокруг фабрики и шоссе. Доложит капитан Матросов.

Капитан Матросов поднялся с места:

— Нами была зафиксирована подозрительная машина — старая вишневая «четверка» ВАЗ-2104. Номера были грязные, но три цифры мы прочитали и вышли на владельца. Это некий Серов Игорь Дмитриевич. Час назад мы с Сизовым доставили его в отдел. Сейчас он задержан по статье 91 УПК на 48 часов, «четверка» на экспертизе.

Показания его на допросе следующие: поехал ночью сливать ворованный бензин. У дороги увидел девушку — бежит, шатается, просит увезти. Кричала: «Он убьёт меня!», была в полнейшей истерике. Имя не назвала. Серов испугался, вытолкнул её из машины у поворота на Тиховку. Туфля осталась в салоне, он нашёл её только утром. По фото убитую опознал. Сей-

час он задержан по 91-й статье УПК на 48 часов, «четверка» на экспертизе. Похоже, у оврага, после того как Серов её высадил, девушку настиг настоящий убийца.

Похоже, у оврага её настиг настоящий убийца.

Теперь по личности погибшей. Денисов, что у тебя?

Следователь капитан Денисов выпрямился:

— Товарищ полковник, утренний поиск по базе данных «Пропавшие без вести» ничего не дал — за эти три дня похожих женщин в городе никто не искал. Пришлось импровизировать. Я закрепил снимок убитой на стенде «Внимание, розыск!» у дежурной части. И буквально два часа назад произошло случайное опознание. Убитую опознала Екатерина Сизова — супруга нашего капитана Сизова. Погибшая — Елена, бывшая швея со второго цеха швейной фабрики.

В кабинете зашептались. Денисов продолжил: — Но тут начинается главная загадка. По словам Сизовой, эта Елена аккурат год назад, в прошлом сентябре, бросила всё и уехала в Москву на заработки. С тех пор её никто не видел.

При этом несостыковка: — Труп свежий: 2 сентября, задушена в ночь на 30 августа..А исчезла год назад. Где она была весь год и от кого бежала ночью — предстоит выяснить.

Допросил Серова по вашему поручению. Протокол задержания по девяносто первой оформил, закрыл в ИВС на двое суток. Но тут вот какое дело... Мужик колосился искренне. Говорит, подработал ночным извозом и подобрал Елену у фабрики, а она уже бежала от кого-то в ужасе и кричала, что её убьют. Он испугался криминала и вышвырнул её у оврага.

— Что с родственниками? — нахмурился Гладышев. —

Мужа Елены, автомеханика Николая, мы уже допросили. У него железное алиби: в ночь убийства он сидел в нашем спецприемнике за пьяный дебош у магазина. Он отпадает.

Муж, похоже, действительно не при делах. Перепуган насмерть.

Но это еще не всё... Поступило новое заявление. Гражданин Голубев Олег сообщил, что в понедельник, второго сентября, пропала его жена, Екатерина Голубева. И она — тоже швея с той же самой фабрики!

Совпадение?:

— Одна швея пропала год назад — найдена убитой. — Вторая исчезла получается 31 августа. — Связь очевидна.

— Выходит, в ту ночь в промзоне чёрт знает что творилось, — хмуро отозвался Матросов. — Одна швея от кого то вырвалась и бежала к фабрике, а вторую швею этот же урод в это же самое время через день упаковывал где-то неподалеку. Рокировка у него получилась. Одной лишился — вторую взял. Причем время пропажи Голубевой бьет секунда в секунду с тем временем, когда Серов подобрал бегущую Елену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.